

Алекс Мара



Лунная из жён
ПОСЛЕ РАЗВОДА

Алекс Мара

После развода. Лучшая из жен

<https://litres.ru/74292192>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Артур женился по твоему приказу, а, значит, и я должен сделать то же самое?! – возмущается брат моего мужа.

– Артур подчинился, потому что он чтит семью и традиции, – парирует свекор. – Елена лучшая из жён. Она принесла нам большие деньги и важные связи и к тому же добровольно подчинилась мужу.

– Подчинилась! Именно что подчинилась, стала пешкой

– Со временем ты научишься ценить жену за то, что она способна тебе дать, и найдёшь способ быть счастливым – говорит мой муж.

– На стороне, да? Вечно ходить к любовницам, как вы с отцом? Я не хочу так!

Пытаюсь схватиться за перила, но промахиваюсь и чуть не падаю вниз по лестнице.

Тяжёлым грузом оседаю на ступени.

Ах вот как?

Содержание

1	4
2	8
3	12
4	15
5	20
6	26
7	30
8	35
9	41
10	46
11	49
12	52
13	58
14	63
15	66
16	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Алекс Мара

После развода.

Лучшая из жен

1

На пассажирском сиденье в сумочке вибрирует телефон.

Приказываю себе не отвлекаться, но меня прямо физически тянет к экрану. Пытаюсь игнорировать, но это невозможно. Мамочки меня поймут. Если оставил ребёнка с няней, любой звонок – это сигнал тревоги, признак катастрофы. Даже если я оставила малышку всего четверть часа назад.

Вздыхнув, включаю поворотник, съезжаю с шоссе на гравийную дорогу. Всё равно не успокоюсь, пока не проверю, кто звонит, так лучше сначала остановиться.

Достаю телефон. Экран светится сообщением от Марины, сестры мужа.

Леночка, мы прибыли в СПА, но мать забыла телефон дома и хочет вернуться. Что мне делать?!!!

Ну вот, начинается...

Марине семнадцать, а справиться с моей свекровью может

не всякий.

План был предельно простым. Женщины семьи Шагаевых готовят мужчинам праздник, а потом уезжают в СПА, оставляя мужчин отмечать официальное «взросление» младшего сына. Ему вообще-то уже двадцать три, но он после учёбы был в армии, а теперь вернулся и готов наконец-то влиться в семейный бизнес и жениться на пользу семьи.

Так что сегодня большой мужской праздник. Становление нового мужчины, фактически торжественный обряд.

А мы, женщины, убрав в доме и приготовив неописуемое количество еды, едем отдохнуть в СПА, а после этого устроим девичник в нашей с мужем квартире.

Вроде как отличный план, но мы еле вытащили свекровь из дома. Она вообще паникует по любому поводу, а сегодня и подавно, весь день нервы на пределе. Чуть что, срывается.

Набравшись моральных сил, набираю номер золовки.

– Что там у вас, Мариш? Я завезла Белочку к няне и теперь на полпути в СПА.

– Мама забыла телефон дома. Говорит, что надо срочно вернуться, потому что отец обязательно будет ей звонить.

– Он не станет ей звонить. Зачем?

– Ты же знаешь мать! Она уверена, что срочно понадобится отцу и разочарует его, если не ответит на звонок.

– Марин, ну что ему может понадобиться? У него полный дом прислуги.

Она фыркает.

– Ты не мне говори, а матери. Может, она тебя послушает, а то нам больше часа ехать обратно за телефоном. И мама не хочет просить охрану привезти телефон, потому что они скажут папе, а он будет ругаться, что она рассеянная.

Марина передаёт телефон своей матери.

Уже по голосу свекрови понимаю, что уговоры ни к чему не приведут. Она и плачет, и причитает одновременно. Говорит, что если что-то пойдёт не так на празднике, муж не сможет до неё дозвониться, и тогда ей будет позор на всю жизнь. Дождавшись конца истерики, я предлагаю резонный, как мне кажется, аргумент, что мужчины могут связаться с ней через нас с Мариной или других родственниц, которые в данный момент уныло топчутся на входе в СПА.

Свекровь не считает мой аргумент резонным. Наоборот, двойным позором, если мужу придётся искать жену через кого-то.

Девяносто девять процентов страхов существуют только в её голове и не имеют связи с реальностью, хотя я и правда несколько раз слышала, как слишком строгий свекор отчитывал жену за забывчивость.

Мой муж, Артур намного мягче отца, что радует. Я бы не выдержала такого отношения.

– Не волнуйтесь! Я вернусь и найду ваш телефон, и никто меня не заметит, – говорю со вздохом. – Как вы думаете, где он?

– Спасибо, дочка, спасибо, дорогая, что бы я без тебя де-

лала!

А дальше свекровь перечисляет три десятка мест, в которых может оказаться её телефон. Она и правда очень рассеянная женщина.

Успокоив её и убедив начать процедуры, я возвращаюсь к ним домой. Объясняю охране, что не хочу беспокоить мужчин, только возьму телефон и уеду.

Стараюсь ступать тихо, чтобы меня не заметили в зале, где уже вовсю идёт празднество. Смех, музыка, звон бокалов – всё это создаёт ощущение, будто я вторгаюсь в чужой мир, где меня быть не должно.

Впрочем, так и есть. Мир сильных мужчин иногда закрыт для женщин.

Подзываю прислугу и прошу их поискать телефон на кухне, а сама направляюсь на второй этаж, в спальню свекрови.

Когда вдруг слышу голос моего мужа...

– Хватит уже, Аслан! Ты нагулялся, а теперь пора завести семью, – говорит мой муж приказным тоном.

– Когда я мог нагуляться?! Сначала учился, а потом в армии служил! – возмущается его младший брат.

– Знаю я, какой учёбой ты занимался и с кем, так что не притворяйся обездоленным, – язвительно говорит Артур. – И не смей перечить отцу! Мы празднуем тот факт, что армия сделала из тебя настоящего мужчину. Ты проявил доблесть и отвагу, так теперь докажи, что ты мужчина, и сделай следующий шаг. Ты женишься на девушке, которую выбрал отец. Конец обсуждения.

– Ничего не конец! Тебе легко говорить, ты женат на Лене, а она красавица. А мне терпеть эту уродину...

– Молчать! – приказывает их отец. – Внешность важна для любовницы, а в жене ценятся другие качества. Артуру повезло, Елена – лучшая из жён, и вдобавок она очень красива. Если бы ты сам нашёл такую женщину, я бы благословил твой брак, но ты хочешь шлаться по чужим дворам, как дворняга, и подбирать неизвестно кого...

Поднимается всеобщий шум, гости – ближайшие родственники, все мужского пола, – перекрикивают друг друга в поддержку слов хозяина.

Мне немного неудобно, что я подслушиваю, однако на мо-

их губах улыбка. Услышать такое от свекра – это как внезапный Новый год. Как выигрыш в лотерею. До этого лучшее, на что я могла надеяться, – это на его царственный кивок. И до конца не была уверена, что он считает меня полноценным членом семьи, ведь в начале я вообще не знала их традиций. Свекор всегда держится отстранённо, его слова резкие и приказные, и при встречах со мной он неизменно холоден.

А оказывается, всё далеко не так плохо...

Поднимаюсь наверх, чуть ли не подпрыгивая от радости. Мои родители очень много работали, и я росла с нянями и без особого домашнего тепла. Поэтому семья для меня – это не просто мечта, а настоящее волшебное таинство. Особенно такая большая и тёплая семья, как Шагаевы. Я обожаю каждую традицию, каждого старого ворчливого дядюшку, каждый праздник с горами еды и бесконечным смехом... Поэтому получить одобрение от главы семьи – это самый лучший подарок.

Даже если я подслушала его слова, непредназначенные для моих ушей.

Поднимаюсь выше, когда слышу очередную жалобу Аслана.

– Артур женился по твоему приказу, продал себя в рабство, а, значит, и я должен сделать то же самое?!

– Не смей! – возмущается свекор. – Артур подчинился, потому что он чтит семью и традиции. И время доказало, что мой выбор жены для Артура был правильным. Елена хотя и не из нашей среды, но принесла нам большие деньги и важные связи, и к тому же добровольно подчинилась мужу. Артур научил её уважать традиции и быть покорной. Елена чтит мужа и нашу семью и ведёт себя с достоинством.

Что?!

Я словно не до конца понимаю слова свекра. Заново выстраиваю услышанные предложения и пытаюсь истолковать их иначе. Так, чтобы с этой правдой можно было жить дальше.

– Подчинилась! Именно что Лена подчинилась, стала пешкой... – презрительно говорит Аслан.

– Молчать! – кричит мой муж. – В тебе сейчас говорит не мужчина, а зелёный мальчишка. Отец выбрал тебе достойную, скромную женщину. К тому же благодаря вашему браку мы сможем породниться с очень сильной и влиятельной семьёй. Милана станет тебе достойной, послушной женой, родит много детей. У её матери семеро. Со временем ты научишься ценить жену за то, что она способна тебе дать, и найдёшь способ быть счастливым...

– На стороне, да? Вечно ходить к шалавам, как вы с отцом? Я не хочу так! Я хочу жить по-честному. Гулять пока гуляется, а потом выбрать женщину, жениться и не изменять ей. Вот это будет по-мужски, а ваши барские замашки мне

не подходят...

– Отец, возможно, мы поторопились с праздником, – говорит Артур тяжёлым, злым голосом. – Брат не готов стать мужчиной.

– По-твоему, быть мужчиной, – это содержать гулящих девиц и развлекаться на стороне, да? – кричит Аслан. – Да уж, тогда ты большой мужчи-и-ина!

Пытаюсь схватиться за перила, но промахиваюсь и чуть не падаю вниз по лестнице.

Тяжёлым грузом оседаю на ступени. Смотрю в одну точку, пока не начинает саднить глаза.

Мой муж не спорит с братом.

Почему он не спорит?! Почему не отрицает?!

Он содержит девиц и развлекается на стороне?!

– Аслан, в тебе говорит наивность, – каркаяще смеётся дядя Артура. – Со временем ты осознаешь, что у мужчины есть права и нужды. У сильных мужчин заряд больше, чем на одну жизнь и на одну женщину, и его приходится тратить. А в женщинах такого заряда нет, они всё вкладывают в детей. Вот ты женишься, а через несколько лет она родит и успокоится, а у тебя самые соки пойдут. Тогда и пересмотришь своё отношение к жизни.

Не могу больше слушать эту белиберду. Затыкаю уши.

Кажется, я всхлипываю.

Прикусываю губу до боли, заставляя себя замолчать. Не хочу, чтобы меня слышали. Я не готова к противостоянию с мужем. Ни к чему не готова. Мне кажется, любое слово станет спичкой, способной поджечь всё вокруг, и тогда я останусь среди пепла.

А я к этому не готова.

Затрудняюсь вспомнить, зачем я здесь, почему сижу на лестнице в чужом доме. Шок накрывает меня белой пеленой, даже дышать становится трудно. Ступени жёсткие, холодные, но я не двигаюсь. Мне легче сидеть здесь, чем подняться и столкнуться с реальностью.

Смотрю на свои руки, на потускневший маникюр. Кожа на руках местами шершавая, покрасневшая. Слишком много готовки, слишком много мытья посуды. На запястье небольшой ожог. Когда делала лаваш, случайно коснулась рукой противня.

Вот же, вот они – свидетельства, что я не идеальная! Я не лучшая из жён, как меня назвал свекор. Они говорят не про меня, а значит, и не про нас с Артуром, не про наш брак.

Это не может быть про нас.

У нас счастливый брак.

Мы с Артуром познакомились на благотворительном ве-

чере. Наши родители тоже там были, но это просто совпадение. Это не доказывает, что наша встреча была подстроенная. Не было никакой заранее продуманной схемы, я не могу в это поверить. Мы просто столкнулись взглядами, улыбнулись, обменялись парой слов. А дальше...

Нас затянуло и закрутило такими острыми эмоциями, что мы не могли и не хотели останавливаться. С первого дня проводили всё свободное время вместе, звонили и писали друг другу десятки раз в день. Засыпали, разговаривая по телефону по ночам...

Мы поженились через три месяца после знакомства.

Мне казалось, что наша встреча была предопределена судьбой.

А оказывается...

Нет. Этого не может быть.

Артур бы сказал мне правду. Может, не сразу, но признался бы, что нас свели и столкнули лбами. Мы ведь ничего друг от друга не скрываем, правда?

Я в это верила. Я так жила всё это время. Думала, что у нас счастливый брак, что мы любим друг друга и что мы честны друг с другом до последней мелочи.

Мы доверяем, любим, планируем, опираемся друг на друга.

Мы живем с открытыми сердцами.

Это наше кредо, наша клятва, наш маленький мир, в ко-

торый никто не должен вмешиваться.

Нас двое в этом браке.

Мой сильный, красивый, умный и властный муж Артур и я... судя по всему, непроходимая тупица. Наивная до мозга костей.

Лучшая из жён, прыгнувшая выше собственной головы, чтобы выучить и уважить чужие традиции и требования, чтобы научиться вести себя и разговаривать в соответствии с чуждыми мне правилами. Пошла на курсы, чтобы готовить по правилам традиционной кухни. Влилась в чужую семью, приняла их образ жизни, доказала, что мне можно доверять, стала для них незаменимой...

Я делала всё это с лёгкостью и радостью, потому что любила мужа всей душой. Когда любишь, ничто не в тягость.

Наивная, я жила с открытым сердцем.

Даже не подозревала, что моя жизнь расписана чужими руками. Что я вышла замуж по договору наших родителей.

Меня обвели вокруг пальца, облапошили, обманули.

Артур сказал брату: «Со временем ты научишься ценить жену за то, что она способна тебе дать, и найдёшь способ быть счастливым».

Муж научился меня ценить, а сам... сам развлекается на стороне.

За идеальной картинкой нашего брака оказалась трещина, о которой я не знала, и в которую провалилась, как в про-
рубь.

Прошедшие годы я жила в мираже.

Какое страшное открытие... Как будто я вышла из привычного, счастливого мира на лютый холод и не могу найти вход обратно.

Мне плохо.

Касаюсь горячего лба ладонью. Не может же так внезапно подняться температура?!

Что со мной? Что происходит с моим телом? Словно кто-то выдернул из-под ног опору, лишил воздуха и сил.

Куда я направлялась? Ах да, навверх в спальню свекрови за её телефоном.

Не уверена, что смогу подняться. Мне сейчас настолько плохо, что, возможно, придётся позвать на помощь, хотя это будет унижением.

Закрываю лицо ладонями, будто могу спрятаться от этого состояния, спрятаться от самой себя. Стараюсь дышать размеренно, считаю вдохи, не позволяю себе учащать дыхание. Обморок делу не поможет, только ухудшит ситуацию.

Не хочу лежать распластанной на полу перед всеми этими мужчинами, которые только и ждут, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

Лучшая из жён в обмороке.

Обманутая жена, глупая.

Полезная жена, которая, как оказалось, принесла в семью деньги и связи. Ради них меня и выбрали. Моя любовь, нежность, верность, помощь никому не нужны. Я просто наивный мешок денег.

– Госпожа Шагаева, что с вами? Позвать вашего мужа?

Меня касаются чьи-то руки.

Поднимаю голову и смотрю на одну из нанятых свекровью официанток.

К счастью, мои глаза сухие, я не плачу. Слезы льются тогда, когда ты оплакиваешь нечто хорошее, но утерянное. А у меня, как оказалось, ничего и не было.

Растягиваю занемевшие губы в улыбке.

– Спасибо, всё в порядке. Я подвернула ногу, но уже всё прошло.

Девушка кивает. Следит, как я с трудом поднимаюсь на ноги.

– Мы нашли телефон, он лежал среди журналов на кухне. Вот, возьмите!

– Большое спасибо! Я... пойду.

Пойду, поеду... Пока что непонятно, куда и как, потому что в таком состоянии нельзя вести машину. Да и какое сейчас может быть СПА?!

Остаюсь одна на лестнице, медленно спускаюсь вниз.

Через приоткрытую дверь зала вижу часть стола. Шашлык с аджикой, зелень, лаваш, маринованные овощи, салаты...

Многое из этого приготовлено моими руками.

С любовью.

Кто-то из мужчин рассказывает о том, как он выбирал сыновьям невест и как они впоследствии стали счастливы. Не могу этого оспорить, потому что не знакома с их семьёй, да и я сама тоже была счастлива. В незнании.

А теперь правда испортила мне жизнь. Навсегда.

Из зала доносится гул одобрения. Не знаю, что именно они поддерживают, но почему-то мне кажется, что я с ними не соглашусь.

– Сын, тебе слово. Ты умеешь красиво сказать, – говорит свекор. Наверняка обращается к Артуру, потому что младшего сына вообще не слышно. Похоже, Аслану не удалось отговориться от нежеланного брака.

Так и есть, следующим звучит голос моего мужа. Уверенный и сильный. Я заведомо морщусь, как будто подсознание уже знает, что мне не понравится услышанное.

– Без женщин не горит очаг и не растут дети. Пусть никогда не гаснет свет глаз и улыбок наших женщин. Пусть они будут счастливы, но... при этом не мешают нам быть мужчинами, – заканчивает Артур с усмешкой в голосе.

Меня тошнит, корёжит, сжигает в пепел от этих слов.

Что это за определение мужчины такое, согласно которому они все ведут двойную жизнь?!

Мужчина определяется предательством?

Нет, никогда.

Внутри нарастает волна негодования, душная и давящая.

На лбу выступает пот, голова кружится.

Предатель. Мой муж – лживый предатель.

С этой мыслью я падаю в обморок.

Прихожу в себя, ощущая холод на лице и слыша... смех?!

Рядом со мной присела незнакомка в униформе и фартуке, кто-то из нанятой прислуги. Она протирает моё лицо влажным полотенцем и сочувственно улыбается.

Вокруг стоят мужчины, весело и громко переговариваются, смеются. Мой муж рядом, он выглядит счастливым и весёлым. Остальные хлопают его по плечам, с чем-то поздравляют...

Это кажется сюрреалистичным сном, пока я не прислушиваюсь к их словам.

Как часы, да, Артур? Ребёнок каждые два года, так и надо!..

Только давай в этот раз мальчика...

Да уж, я бы хотел внука, да и ты не справишься с тремя красавицами в доме...

Аслан, ты во второй раз станешь дядей. Какой подарок, а?

Они приняли мой обморок за признак беременности и празднуют это событие, пока я лежу на полу, шокированная новостью о том, что я замужем за бесстыжим, лживым мужчиной.

Собираюсь с силами. Приподнимаюсь на локтях. Хотя я

на полу, а он стоит, мне кажется, что сейчас я смотрю на него сверху вниз.

– Не будет второго ребёнка, – говорю хриплым, мёртвым голосом. – И жены у тебя тоже больше нет. Ты лживый предатель, а не мужчина.

Всё вокруг замирает.

Даже не слышно обычно громкого тиканья часов в холле.

Тишина становится вязкой, давящей, как если бы воздух в комнате сгустился, навсегда оставляя нас в этом остром моменте.

Кажется, что стоящие вокруг мужчины не дышат. Их взгляды тяжёлые, надменные. Кто-то смотрит на моего мужа, кто-то, наоборот, прямо на меня, так, что сердце сжимается. На их лицах нет ни капли жалости или сочувствия. Ни толики поддержки. Только холодное осуждение и презрение.

Женщина, которая мне помогала, беззвучно отползает назад, старается исчезнуть, чтобы о ней забыли, и скрывается в кухне. Она не хочет оказаться рядом со мной в эту позорную минуту, чтобы на неё легла тень причастности к моему неслыханному поведению.

А я остаюсь. Полулежу на полу, но при этом чувствую себя так, словно я жертва на арене перед сотнями зрителей.

Женщина, провозглашённая лучшей из жён, только что низвергла себя в присутствии самых важных и сильнейших мужчин рода. Тех, кто держит в руках власть и кто устанавливает правила.

Я знаю правила.

Каждую букву, каждое межстрочие этих правил.

Я знаю, что согласно этим правилам, как писаным, так и негласным, я только что совершила самый страшный проступок из возможных.

Это непростительно.

Преступно.

Недопустимо.

Я выступила против моего мужа.

И сделала это не наедине, не в тишине нашей спальни, а на глазах у других. В присутствии тех, для кого честь мужчины выше жизни женщины.

Я унизила мужа.

Оскорбила.

Перечеркнула всё, что строила с начала нашего брака – своё хорошее имя, свою репутацию, своё право быть услышанной.

По взглядам окружающих я вижу, что моё падение необратимо. Их молчание громче любого крика. Их неподвижное осуждение страшнее выказанного приговора.

Сжимаю пальцы, пытаюсь ухватиться за ковёр, за край собственной смелости, хоть за что-нибудь. Но нет ничего, что могло бы вернуть меня назад. Всё уже случилось. Слова сказаны. Тишина после них гуще патоки.

На секунду прикрываю глаза, словно возвращаюсь к себе. Набираюсь сил для грядущего сражения.

Многие скажут, что Артур меня избаловал, потому что наедине позволял мне вести себя так, как мне хочется, как я привыкла. Мы ругались и спорили на равных. Муж никогда не говорил со мной о правилах и о повиновении, ему и не пришлось этого требовать. Между нами это было как очевидность, которую я приняла, когда вышла за него замуж. Артур позволял мне полную свободу в нашем доме и в моей жизни, однако на людях я строго блюла правила. Оставляла все споры и несогласия до того момента, когда мы вернёмся домой.

Но не сейчас.

Это не просто несогласие, а предательство размером в жизнь.

И я не стану молчать, а уж терпеть и подавно.

После моих слов муж застыл каменным изваянием.

Остальные мужчины ждут его решения, проявления его власти надо мной.

С горечью отмечаю про себя, что любящий муж бросился бы ко мне и помог подняться, предложил бы отвезти в больницу, чтобы выяснить причину обморока. Ему было бы наплевать на окружающих.

Но теперь я знаю, что Артур не любящий муж.

Он подделка.

Он медленно поднимает на меня взгляд, как будто это стоит ему страшных усилий. Его взгляд стальной, хищный. Я почти физически чувствую, как он обрушивается на меня, давит, и от этого хочется закрыться руками, исчезнуть, раствориться в воздухе. Но я не двигаюсь.

Аслан проталкивается сквозь стоящих вокруг меня мужчин.

– Так и оставите беременную женщину лежать на полу?!
– возмущается.

Опускается на одно колено рядом со мной, когда рядом раздаётся гневный голос Артура.

Нет, не голос. Рык.

– Руки прочь от моей жены!

Аслан как-то сразу скукоживается, становится меньше ростом. На его лице смесь вины и страха.

– Извини, Лена, я не могу помочь тебе подняться, но, мо-

жет, тебе что-нибудь принести? Воды или льда? – спрашивает, морщась.

– Спасибо, Аслан. Со мной всё в порядке. Я сама скоро поднимусь.

Муж подходит ко мне.

Прямо передо мной появляются его модные, блестящие ботинки и тщательно отутюженные брюки.

Отутюженные мною вчера вечером.

– Жена! – говорит он незнакомым голосом, звенящим и ломким от гнева.

Поднимаю голову, почти запрокидываю, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Я тебе больше не жена!

– Жена! – тут же повторяет он, перебивая меня. – Когда я говорю, ты молчишь. Когда я приказываю, ты повинешься. Похоже, я был слишком мягок с тобой, но до сегодняшнего дня ты не давала повода тебя наказывать. – Поворачивает голову и даёт кому-то знак. – Отвезите её домой и запирайте. Я разберусь с ней, когда появится время.

От шока даже мои мысли встают на паузу. Он свихнулся? Наказать меня? Запереть? О каком наказании идёт речь?

Муж снова переводит на меня давящий, злой взгляд.

– Так как ты беременна, я не наказываю тебя при всех, однако твоё состояние не послужит оправданием твоему поведению. Ничто не даёт тебе права меня позорить.

Это не Артур.

Он никогда не был таким, не со мной...

Похоже, это ещё одна его сторона о которой я не знала.

Ко мне наклоняется женщина, кто-то из прислуги, и протягивает руку.

Рядом стоят мужчины – молчаливые, массивные, – которым поручено сопроводить меня домой и... запереть там. Это звучит абсурдно. Немыслимо. Я даже представить не могла, что в наше время, в этой стране, возможно вот так – запереть жену её на замок, словно пленницу.

Я отказываюсь от помощи незнакомки. Встаю сама, чтобы показать, что я ещё что-то решаю в моей жизни. Что не превращусь в безвольную куклу. Моя поступь неровная, я едва ощущаю пол под ногами, как будто иду по зыбучему песку. Но я всё-таки иду.

Физически со мной, наверное, всё в порядке. Это не болезнь, не слабость тела. Это шок. Леденящий, обжигающий, глубокий. Я только что потеряла мою опору в жизни. Почву, на которой стояла. Всё то, что было для меня несокрушимым.

Моего любимого мужа.

Его взгляд прожигает мне спину, шею, пальцы рук. Он не сводит с меня глаз, но и не двигается. Не делает ни шага в мою сторону. Не пытается остановить, удержать, извиниться. Не бросается ко мне и не говорит, что всё это нелепая ошибка и что каждое его слово сегодня было ложью.

Трясу головой, разгоняя жалкие фантазии.

Правда – горькая пилюля, поэтому её нужно проглотить сразу, без промедления. Разом. И признать, что всё кончено.

По пути к выходу я спотыкаюсь и чуть не теряю равновесие. Краем глаза замечаю, как муж бросается ко мне, но в следующую секунду он словно спохватывается, останавливается. Разворачивается и уходит обратно в зал, где продолжается празднование. Смех, музыка, звон бокалов – всё это кажется издёвкой за моей спиной.

А меня везут домой.

Я наказана.

Наказание.

Это слово режет слух, кромсает меня изнутри. Я никогда раньше не слышала, чтобы мой муж употреблял его – ни по отношению ко мне, ни к нашей дочери. Поэтому сейчас я не могу до конца поверить в реальность происходящего.

Старший из сопровождающих меня мужчин открывает дверь квартиры, пропуская меня внутрь, а потом оставляет перед дверью двух охранников, чтобы они не выпускали меня.

Я одна. В квартире. Да, именно в *квартире*, а не дома. Дом – это место, где тепло, где живёт любовь. А здесь теперь даже пахнет по-другому. Холодом и пылью лжи.

Я в отчаянии и в смятении одновременно. Стараюсь решить, правильно ли поступила, не заехав по пути за дочкой. Больше всего на свете я хочу её обнять. Её запах, её смех, её

маленькие руки – это мой единственный оставшийся якорь в реальности.

Но я не захотела, чтобы она ехала со мной в машине, полной посторонних, вооружённых мужчин. Не хотела, чтобы она оказалась частью моего наказания.

Теперь я одна, и мне срочно надо бежать. Только вот как?

Мы на пятом этаже, из окна не выпрыгнешь. Звонить о помощи? В этом городе некому. У меня есть подруги, но каждая из них так или иначе связана с семьёй Артура и побоится выступить против моего мужа.

Остаются только мои родители, но они слишком далеко, так что придётся полагаться на себя.

Я собираю небольшую сумку. Всё самое главное: документы, деньги, несколько драгоценностей, которые можно будет продать. Переодеваюсь в практичную одежду: тёмные джинсы, футболка, туфли на платформе. Ничего лишнего.

Я готова к побегу.

Открываю дверь. Пытаюсь улыбнуться охране, но губы сводит, и вместо улыбки выходит презрительный оскал. Каково это – охранять женщину, наказанную только за то, что она сказала мужчине правду? За то, что назвала его тем, кем он является: лживым гадом.

Они стоят с одинаковыми лицами, одинаковыми пустыми глазами. Наверняка гордятся собой, думают, что выполняют важное дело.

Противно даже смотреть на них.

Стараюсь, чтобы мой голос прозвучал бодро и спокойно.

– Раз уж я заперта в доме, давайте хотя бы заберём мою дочь. Вы можете поехать со мной на машине или отвезти меня сами.

Мужчины обмениваются коротким взглядом. Один достаёт телефон, что-то печатает. Тишина тянется мучительно долго, а потом он говорит.

– О ребёнке уже позаботились.

Моё тело, да и душа тоже внезапно превращаются в лёд от этой новости.

– Что значит – позаботились? Кто о ней позаботился?

– Её отец.

И тогда меня прошибает холодный пот.

У меня забрали дочку.

Страшнее всего осознание собственной слепоты.

Наши отношения с мужем настолько отличались от других местных семей и его родни, что я с самого начала словно считала себя выше правил и традиций. Это было подсознательным чувством, неосознанным и, как оказалось, ложным. Наверное, поэтому мне было так легко принять правила, ведь я убедила себя, что они никогда меня не коснутся. И что мой муж совершенно другой, не такой, как его родственники. Как говорится, на осинке выросла апельсинка.

Ага, как же...

Глаза открылись, и мне не понравилось то, что я увидела.

И что теперь делать? Сидеть запертой в квартире и рвать на себе волосы от ужаса, наказывая себя за наивность?

Нет, это мне не подходит.

Хочется сказать, что в любви мы все наивны, но это будет попыткой оправдать мою слепоту, а этого я делать не собираюсь. Если начну себя оправдывать, то и дальше позволю себе иллюзии, а это будет шаг в бездну.

Нет уж! Как говорится, побыла счастливой и хватит. Пора жить реальной жизнью.

Ради любимых людей мы меняемся, срастаемся с ними привычками и душой. Порой даже не замечаем, как подстраиваемся под их ритм и настроения, отказываемся от соб-

ственных привычек ради того, чтобы сделать их счастливыми. И это даже приятно – чувствовать себя нужной, ощущать, что ты делаешь жизнь близкого человека светлее. Ради Артура я старалась быть мягче, позволяла ему принимать решения и управлять жизнью нашей маленькой семьи.

А оказывается, эти жертвы были впустую.

Пришла пора поставить точку. Я и так слишком заигралась в иллюзию того, чего на самом деле у меня не было. Слишком долго обманывала себя, принимая бессовестное притворство мужа за любовь.

Пора снова стать той женщиной, которой я была до встречи с Артуром. Я никогда не была скромной, робкой и слабой. Решимости мне было не занимать, и сейчас она нужна мне как воздух.

Вариантов побега немало, но каждый из них требует аккуратного расчёта и времени на подготовку, а мне надо срочно исчезнуть отсюда вместе с дочкой. К тому же я почти не знаю мужчин, которых поставили меня караулить. Непонятно, кто из них способен на сострадание, а кто слепо выполняет приказы, поэтому трудно просчитать, какой способ побега сработает, а какой обернётся катастрофой.

Одно я знаю точно: обращаться за помощью в полицию бессмысленно. Я уже не раз видела, как закон становится игрушкой в руках сильнейших. Да и у мужа в полиции родня. Артур моментально узнает о моём звонке. А дальше всё станет намного хуже. Я видела, на что способны мужчины его

семьи, и если Артур такой же, как они, то он способен на всё.

В любом случае сидеть на месте я не стану, надо действовать, хоть что-то предпринять.

Открываю приложение банка, в котором у меня свой личный счёт. Не то чтобы я прятала деньги от мужа. Наоборот. Этот счёт был мне нужен, чтобы делать ему сюрпризы. Новые и забавные гаджеты, набор его любимого кофе, билеты на футбольный матч или концерт его любимой группы... Трудно удивить мужа, если все расходы проходят через общий счёт, и сразу появляются уведомления о том, что я купила. Поэтому я завела отдельный. Мужу нравилось, что я завела счёт для его подарков и сюрпризов. Он любил в шутку спрашивать, не нужно ли перевести мне побольше денег, а то я давно ему ничего не дарила.

Знал бы он, что теперь я использую этот счёт для побега.

Набираю номер няни, с которой оставила дочку. Уже по её дрожащему голосу понимаю: мне не солгали про то, что Артур «позаботился» о дочке.

– С тобой сейчас кто-нибудь есть из мужчин нашей семьи? – сразу перехожу к делу.

– Нет, – отвечает она, голос хриплый, испуганный.

– У меня есть личный счёт. Если ты скажешь, где моя дочь, то я переведу тебе... – называю большую сумму.

– Нет-нет, что ты, денег не надо! – шепчет няня. – Я только рада буду тебе помочь.

Мы с няней в хороших отношениях, и я порекомендовала

её другим клиентам, но сейчас мне с трудом верится в бескорыстие. Уж слишком я разочарована во всех и вся.

– Я не знаю, куда они отвезут Белочку, – продолжает она.
– Пока что они прислали какого-то мужчину. Он стоит под дверью и караулит нас. Я подслушала, как он говорил по телефону. Он обсуждал с кем-то женщин вашей семьи, которые не поехали в спа. Думаю, к одной из них и отвезут Белочку.

Моё сердце разрывается от боли, но я заставляю себя выдохнуть и успокоиться.

– Спасибо тебе, дорогая. Я твоя должница. Если что-то узнаешь, сразу мне позвони.

– Конечно.

Сижу, сжимая телефон в руках. Делаю мысленную заметку: однажды я должна отплатить этой девушке добром. То, что она поддержала меня, а не моего мужа и его могущественную семью, – это редкость. И большой риск с её стороны.

Маленькая скептическая часть моего мозга шепчет, что слишком рано радоваться и что, может быть, няня лжёт мне из страха или по чьей-то указке. Но я приказываю этому голосу замолчать. Потому что если я сейчас начну сомневаться в каждом слове, то просто сойду с ума.

Прикидываю, к кому из родственников отвезут Белочку, пока мужчины продолжают праздновать, как будто ничего не случилось. Останавливаюсь на нескольких вариантах. Веро-

ятнее всего выберут тётю Тамилу. Она отказалась идти с нами в спа из-за каких-то аллергий и поехала домой. Она меня недолюбливает, потому что я готовлю лучше неё, так что договориться с ней не удастся. Да и к ней приставят охрану. Даже если я выберусь отсюда, дальше возникнут проблемы.

А значит, придётся вызывать помощь.

Несколько секунд колеблюсь, но потом решительно достаю записную книжку. На последней странице список номеров на всякий случай.

Этот «всякий» случай наступил.

Долго смотрю на номер телефона. Этот звонок будет означать конец моего брака, поэтому внутри покалывает сожаление. Слишком быстро и необратимо всё разрушилось.

Задавливаю это сожаление, затаптываю.

Набираю номер.

– Я знал, что рано или поздно ты бросишь мужа и вернёшься ко мне! – смеётся Вик.

Мы с Виком дружили в школе, а после даже пробовали встречаться какое-то время.

Ничего серьёзного между нами не было, по крайней мере, с моей стороны. Он тоже не раз повторял, что я слишком правильная для него. Вик выбрал жизнь по другую сторону закона. Чем именно он зарабатывал, я не знала и старательно избегала эти подробности. Не особо хотелось быть обвинённой в соучастии.

Однако я знаю, что у Вика имеются связи по всей стране и не с самыми законопослушными людьми, и что для них очень мало невозможного.

Вик всегда мне нравился. Несмотря на опасный род занятий, он удивительно лёгкий, весёлый и дружелюбный человек. Однако это отношение не распространилось на Артура. С первой же встречи они разругались в пух и прах. Артуру, естественно, не понравилось, что у его невесты есть друг-мужчина, а Вик не захотел объяснить мне, что именно его разозлило в моём будущем муже, а просто сказал, что у него аллергия на Артура. Тогда же Вик добавил, что если когда-нибудь возникнет проблема, я могу обратиться к нему, и он всё «разрулит». Я прекрасно понимала, что его способы решения проблем будут далеки от законных и потому была уверена, что никогда не воспользуюсь этим предложением.

Но теперь всё изменилось. У меня забрали дочь, и я готова ухватиться за любую соломинку, за любой козырь. Вик – мой козырь.

Быстро пересказываю ему случившееся. Он слушает молча, потом усмехается, и в этой усмешке потрескивают искры ярости.

– Другими словами, не случилось ничего необычного для той среды, в которую ты вышла замуж, – говорит он. – Наслышан, что такие мужчины именно так «воспитывают» женщин.

– Ты способен помочь, не читая нотаций? – раздражённо перебиваю.

Вик снова усмехается, на этот раз мягче.

– Ладно, ладно. Я ведь не хотел, чтобы ты связывалась с Артуром, так позволь мне похвастаться, что хоть однажды я оказался прав. Артур красиво стелил, однако долго не продержался и показал своё истинное лицо.

– Хорошо, я признаю, что ты прав. Доволен?

– Нет. – Его голос внезапно становится резким, жёстким. – Я бы предпочёл ошибиться, но чтобы ты была счастлива. А после того, как Артур с тобой поступил, я убью его при первой же возможности.

– Давай обойдёмся без убийств, Вик. Мне бы только забрать дочку, а дальше они меня не достанут.

– Так... Ты собрала документы?

– Да.

– Твой адрес у меня есть...

– Следишь за мной?

– Всего лишь интересуюсь. Как долго твой муж останется на празднике?

– Я не знаю... Обычно такие празднества длятся очень долго, в ночь, но после скандала с его братом, а потом со мной они могут закончить раньше.

– Ничего страшного, всё равно успеем. Сейчас я мобилирую нужных людей. Как только ты узнаешь адрес, куда увезли девочку, пришлешь его мне. Добавь всё, что знаешь об этом доме, – как охраняется, сколько человек внутри, какие замки. И ещё пришли фото Белочки на случай, если там будут ещё дети, чтобы ребята знали, кого брать...

– Нет, Вик! Я пойду с ними! Если меня там не будет, то Белла испугается.

– Белла в любом случае испугается, потому что в дом ворвутся мужики в масках. Я скажу, чтобы взяли какую-нибудь игрушку и были с малышкой помягче.

– Это не поможет! Я хочу сама...

– Ты всегда всё хочешь сама, но эта ситуация не для любителей, а для профессионалов. Твой муж серьёзный мужик, и на него работают серьёзные люди, которые не склонны к проявлениям доброты.

– Мне плевать на моего мужа и на его людей! Как только

я выберусь отсюда, такое им устрою, что мало не покажется. Подожду землю под их задницами...

Вик усмехается.

– Вот поэтому я на тебе и не женился, у тебя слишком большие яйца...

– Вик! Прошу тебя, помоги нам! Мне очень страшно.

– Лена, я обещаю тебе, что всё будет хорошо. Обещаю, слышишь? Я уже в пути.

– В каком пути? Куда?!

– К тебе. Я сам тебя заберу. Неужели ты думаешь, что я доверю твоё спасение кому-нибудь другому?! Мне готовят самолёт. Сиди дома и не вызывай подозрений. А самое главное – доверяй мне, ладно?

Голос Вика прерывистый. Слышно, как он бежит, потом хлопает дверцей машины. Раздаётся шум мотора.

– Я тебе доверяю, иначе бы не позвонила.

– Тогда доверься полностью. Если сначала забрать тебя, а потом поехать за Беллой, то твой муж успеет сориентироваться и спрятать дочь в другом месте. Поэтому всё должно происходить одновременно. Пока я в самолёте, мои контакты найдут самых надёжных людей, и мы будем действовать одновременно. А ты в это время постарайся успокоиться и просто посидеть и подождать, как нормальная женщина.

– Виктор Ясенов! Никогда больше не оскорбляй меня нормальной женщиной! Когда мы лазали по крыше Петропавловки по ночам, кто научил тебя спрыгивать так, чтобы не

сломать лодыжку? Кто научил тебя врать так, чтобы даже твоя мать верила каждому слову? Кто придумывал, как улизнуть с уроков так, чтобы нас не спалили? Мне очень трудно ждать и ничего не делать, когда речь идёт о моей дочери.

– Ты супер какая крутая, детка. – В голосе Вика улыбка. – Но я долго тренировался и теперь наконец-то стал круче тебя. А тебе надо подумать и о втором ребёнке, которого ты носишь.

– Я не беременна. Мужчины сами это придумали, когда я упала в обморок. На самом деле я отключилась из-за шока после того, что услышала.

– Они идиоты, Лена. А твой муж... Он пожалеет о том, что тебя потерял, вот увидишь.

– Ты даже не представляешь, как сильно он пожалеет! – отвечаю горячим, злым голосом, полным мести. – Когда папа узнает о том, что случилось, сольёт их бизнес в сортир.

– Он пока что не знает?

– Нет, что ты! Я позвонила только тебе. У папы большое сердце. Когда мы с Беллой приедем к родителям, я расскажу им о случившемся. Тогда будет не так страшно, потому что мы уже будем в безопасности.

– Умничка! Всё, Лен. Жду от тебя адрес и инструкции. А, нет... минутку... Я вспомнил ещё кое-что важное... Пока ждёшь, сделай мне твой фирменный бутерброд с индейкой, майонезом, перцем погорячее и ещё какой-то зелёной фигнёй, которую ты вечно суёшь в бутерброды. Помнишь, о

чём я?

– Помню. Будет сделано, Вик. Прилетай скорее!

Это полностью в духе Вика попросить бутерброд в такой момент.

Хотелось бы рассердиться и отругать его за легкомыслие, но я понимаю: он делает это для того, чтобы меня поддержать. Пытается расслабить меня и показать, что всё не так драматично, как мне кажется. Что сам он уверен в благополучном исходе и не сомневается, что всё будет хорошо.

Ждать невыносимо. Жутко. Тревожно. Как будто ожидание обостряет в тебе предчувствие плохого. В голове крутятся всевозможные страшные варианты развития событий. Вдруг Артур успеет перевезти Белочку в другое место, и я не смогу её найти? Она будет плакать, звать меня, а я не смогу к ней попасть... Мне придётся умолять Артура, согласиться на любое унижение...

Такие картины мелькают одна за другой, и чем дольше ждёшь, тем ярче они становятся. Складываются в страшный монтаж.

Если ожидание затянется, я сойду с ума от беспомощности...

С трудом заставляю себя собраться, в сотый раз проверяю собранные вещи.

Внезапно слышу восклицания и возню на лестнице. Выглядываю в глазок и вижу перед собой широкую улыбку Ви-

ка.

Открываю дверь, стараясь не смотреть на то, как он заносит в квартиру бессознательных связанных охранников. Укладывает их на полу прихожей, весело желает им хорошего сна и, подхватив мою сумку, ведёт меня к выходу.

Перед тем, как спуститься по лестнице, Вик останавливается и показывает мне фотографию на экране телефона.

На ней Белла сидит в незнакомом автокресле, в её руках кукла. Малышка не выглядит ни плачущей, ни расстроенной. Наоборот, поглощённой и очень довольной новой игрушкой.

Без слов обнимаю Вика. Сжимаю его с такой силой, что ноют руки.

– Ой-ой! Ты мне рёбра ломаешь! Спасите-помогите! – придушивается он.

– Спасибо тебе! Я на всю жизнь твоя должница!

– Тебе бы только разводить драму! Всё прошло хорошо. Никто не ожидал нападения. Мы немного переборщили с числом людей, но постарались не особо пугать хозяйку дома. Хотя, может, и стоило её припугнуть как следует. Старая карга не особо стремилась защитить Беллу. Стояла сложа руки и бурчала, что ей всё равно, потому что это дочка «чужой». Тебя здесь не приняли?

Знал бы Артур об этом... Доверил нашу дочь неизвестно кому. Меня любить необязательно, но вымещать злость на ребёнке – это последнее дело. Я, может, и чужая для них,

но Белочка – дочь своего отца, в ней течёт его кровь. Так относиться к ребёнку – это преступление.

Вздыхаю.

– Меня вроде как приняли, хотя и не все, и не знаю, насколько искренне. Может, просто заискивали перед Артуром и поэтому притворялись дружелюбными. По крайней мере могу сказать точно, что сегодня никто из мужчин не встал на мою сторону.

Мы спускаемся в подъезд. Вик выходит наружу, осматривается.

– Двое на скамейке с кем-то переговариваются. Больше никого нет. Всё равно нам надо спешить. Я надеялся всё сделать одновременно, но немного опоздал, по пути возникли сложности, поэтому Артур уже наверняка знает, что малышку забрали. – Достает телефон и что-то печатает. – Машина уже на пути к нам. Пора!

Он обнимает меня за талию и ведёт по двору, прикрывая собой. Ёжусь от тревоги. В сумраке даже тени кажутся зловещими, даже дуновение ветра звучит предупреждением. Раньше я была бесстрашной и боевой, но с рождением ребёнка смягчилась, ослабла. Поверила в то, что я теперь уже навсегда под защитой мужа.

Краем глаза замечаю, как к нам направляются двое мужчин, оба разговаривают по телефону.

В этот момент из-за угла с визгом шин появляется чёрный внедорожник.

– Это наш, – говорит Вик кратко, и мы бежим к машине. Дух захватывает.

Вся ситуация кажется невозможной, сумасшедшей. Оторванной от моей реальности. Ещё вчера я была счастливой женой и матерью, моя жизнь казалась воплощением сказки, а теперь я словно попала в сцену из боевика.

До машины Вика остаётся несколько метров, когда появляется ещё одна и несётся наперерез. Вокруг нас суматоха, визг тормозов, паника.

Вторая машина резко останавливается, из неё выскакивает Артур и бежит к нам.

– Лена, нет! Лена!! Не смей! Вернись сейчас же!

Даже если бы хотела, я бы не смогла ничего ответить, потому что задыхаюсь от бега.

Как будто почувствовав, что я теряю силы, Вик подхватывает меня на руки. Обнимаю его за шею, помогая ему и пытаясь удержаться.

До его машины считанные шаги...

Артур осознал, что не успеет за нами, поэтому останавливается. Бросаю на него прощальный взгляд. Он выглядит воплощением дикой, неконтролируемой ярости.

Плечи напряжены, грудь тяжело вздымается от прерывистого дыхания. Кулаки сжаты, на шее вздулись жилы. Даже его молчание пышет угрозой. В его неподвижности ощущается больше силы и опасности, чем в любом движении.

Он кажется не человеком, а сгустком чистой ярости.

– Если ты сейчас уедешь с ним, то обратного пути не будет, – кричит он, задыхаясь от гнева и ещё каких-то безумно сильных эмоций.

– Очень на это надеюсь, – успеваю бросить в ответ.

В следующую секунду Вик закидывает меня на заднее сиденье, запрыгивает следом, и машина срывается с места.

– Лена! – доносится до нас последний, сумасшедший крик моего мужа.

– Ты любишь Артура. – Папа смотрит на меня исподлобья. Это не вопрос, а утверждение.

– Это ни о чём не говорит. Моим пристрастиям совершенно нельзя доверять! Помнишь, в пятом классе я решила стать чемпионкой мира по скейтбордингу?

Папа щурится, пытаясь пробудить воспоминания. Ему с готовностью помогает мама.

– Ты имеешь в виду ту жуткую доску на колёсиках?

– Да, я её обожала!

– А потом упала на тренировке, и твой череп пришлось собирать по кускам.

Небольшое преувеличение в духе моей мамули, склонной к повышенной тревожности и драматизации.

– Да-да, собрали по кускам и сделали черепную мозаику. Я очень любила скейт, но ни к чему хорошему это не привело. Вот ещё пример... Помнишь, как я влюбилась в Васю Королёва?

Папа поворачивается к маме за помощью.

– Да, помню, ты собиралась за него замуж, – подтверждает всепомнящая мама.

– Я никого так не любила, как Васеньку. Рисовала его портреты, писала о нём песни и стихи.

– Ты из-за него сбежала из дома. – Мама поджимает губы,

вспоминая прошлый стресс.

– Было дело, но вы бы не отпустили меня на вечернее свидание, поэтому пришлось сбежать.

– Тебе было семь лет!

– Вася позвал меня шпионить за его старшим братом, и я не смогла отказаться, потому что слишком его любила. Сначала было интересно шпионить, а потом оказалось, что его брат с друзьями отправились грабить молочный магазин.

– А, да, это я помню, – смеётся папа. – Об этом даже писали в газетах. Только фамилию твоего кавалера забыл. А так никогда не забуду тот момент, когда мне позвонили из полиции.

– Потом я встречалась с Виком...

– Достаточно, я всё понял. У тебя не самый лучший вкус в мужчинах. – Папа вроде улыбается, но глаза более чем серьёзные.

– У меня самый худший вкус в мужчинах, и я ещё и слепая, к тому же. Не замечаю, когда меня водят за нос, как дурочку. Оказалось, что Артур женился на мне исключительно ради выгоды и совершенно меня не любил, а я даже понятия об этом не имела. Придумала себе сладкую сказочку и жила ей.

Какое-то время папа смотрит в окно, потом хмыкает.

– С этим я, пожалуй, не соглашусь. Шагаев не был к тебе равнодушен, иначе я бы не допустил вашей свадьбы.

Пожимаю плечами.

– Значит, моя слепота наследственная, и тебя он тоже обманул. Вы с его отцом свели нас вместе, так что...

– Ничего подобного! – отрезает папа. – Никто вас не сводил. Шагаев-отец намекал, что был бы рад объединению семей, но я ответил, что не собираюсь влиять на твоё решение. Всё в руках Артура. Если ему удастся тебя впечатлить, то пусть так и будет. А если нет, то ничего не получится. Я всем желающим говорил то же самое.

Возможно, всё так и было, вот только Артур решил завоевать меня не потому, что я ему нравилась, а ради бизнеса.

– Всё это уже не важно. Мы с Белочкой в порядке, нас никто не обидел, и мы вернулись туда, где нас уж точно любят. Поэтому всё хорошо.

Мой отец умный, проницательный мужчина, с гениальной жилкой в бизнесе. Не зря на мою руку было много претендентов – сыночков всяких-разных бизнесменов, желавших подкормиться через папины бизнесы и его политические и административные связи.

Его не так уж и просто обмануть.

– «Всё хорошо» – это значит, что ты подашь на развод? – спрашивает папа.

Мама всплескивает руками и ахает.

– Доченька, может, не надо торопиться? Даже если Артур женился на тебе ради бизнеса, вы же прожили вместе почти три года, родили доченьку, наверняка уже срослись вместе как семья.

Старательно удерживаю улыбку на лице. Вообще с момента возвращения в родительский дом я стараюсь излучать радость и оптимизм, чтобы родители не особо за меня волновались. Конечно же, они расстроились из-за краха моего брака, однако я продолжаю говорить об этом в позитивном ключе, как о новом начале. И я не рассказала им всех подробностей о том, как Вик вызволил нас с Беллой из хватки мужа, и как привёз в родной город под охраной. Я сказала родителям, что мы доехали сами. Просто взяли и уехали. Да-да, всё просто.

Однако по папиному выражению лица вижу, что его так просто не обманешь. В его глазах злой огонь с каплей насмешки. Он совершенно не согласен с мамиными словами.

– Мама, прошу тебя, не волнуйся. Как срослись с Артуром, так и разведемся. У него другая... всякие развлечения, и он оказался не таким мужчиной, которым притворялся. Я не хочу, чтобы Белла росла в таком окружении, и чтобы к ней относились как ко мне... в последнее время.

Папа выпрямляется, подаётся ко мне. На его лице опасный прищур.

— Перед тем как сделать тебе предложение, Артур поклялся, что будет относиться к тебе, как к равной ему во всём, и не ограничит твою свободу. — В его голосе похрустывает гнев. — Это было главным условием. И не только по отношению к тебе, а и к вашим детям тоже. К девочкам.

Опускаю голову.

Как же это сложно!

Я не хочу расстраивать отца, но при этом мне нужно его содействие, чтобы отрезать Шагаевых от всех кормушек. Дело не просто в деньгах, а и в связях, которые помогли Артуру и его семье в несколько раз увеличить оборот их бизнеса и открыть десяток филиалов.

— Самое главное — что мы с Белочкой в полном порядке и с вами...

— Ой, да скажи всё как есть, честное слово! — злится папа. — Я не хрустальный! И я нервничаю намного сильнее, когда ты танцуешь вокруг правды вместо того, чтобы сказать всё прямо как есть.

Вздыхаю, признавая, что он прав.

— Когда я узнала, что Артур мне изменяет и ни во что меня не ставит, я разозлилась и высказалась при всех о том, что я думаю по этому поводу. В ответ Артур посадил меня под домашний арест и отобрал у меня Беллу. Только пожалуйста, не нервничай... Всё хорошо, мы выбрались и прие-

хали сюда...

– Вик? – Папа изгибает бровь.

Я же говорила, что от папы ничего не скроешь! Но всё равно это лучше, что он узнал о случившемся сейчас, когда мы с Беллой в безопасности.

Киваю, подтверждая его догадку.

Папа улыбается.

Я с детства помню эту его улыбку, хищную, убийственную. Она не предвещает ничего хорошего тому, о ком он думает, когда так улыбается.

– Знаешь поговорку, старый пёс – беззубый пёс? – спрашивает звенящим от гнева голосом. – Шагаевы решили, что раз я отошёл от дел по состоянию здоровья, то не смогу их достать. Они ошибаются. Я раздавлю их как клопов. – Заметив, что мама встревоженно прижимает руки к груди, папа отмахивается. – Не волнуйся, дорогая, это чисто терапевтическая процедура. Считай, лечебная гимнастика.

Впервые за последние часы я наконец могу позволить себе расслабиться.

Я в родном, родительском доме.

Здесь стены дышат прошлым, а запах старых книг и маминых любимых духов возвращает меня в то время, когда всё было проще, спокойнее и безопаснее.

Я засыпаю в своей бывшей комнате, где до сих пор стоят знакомые с детства полки и шкафы, где каждая трещинка на стене мне как родная. Где я мечтала о любви.

И вот, домечталась!

Рядом с моей кроватью ставлю детскую кроватку Белочки. Малышка спокойно спит и не подозревает о том, что мы пережили за последние часы. Держу её за ручку, и сейчас это становится для меня единственным источником сил.

Мы вместе. Нас пытались разлучить, но мы им помешали.

Наверное, со стороны это звучит смешно – взрослая женщина черпает уверенность у крохотного ребёнка. Но пока я держу её мягкую пухлую ладошку, во мне словно рождается новая сила, появляются равновесие и глубокое, живительное спокойствие. У нас всё хорошо. Я всё сделала правильно. Позвала на помощь. Нашла для нас безопасное место. Мы дома. Там, где нас никогда не предадут.

Повторяю эти слова про себя, словно молитву, словно за-

клинивание, от которого зависит наше благополучие.

Белочка тихонько чмокает губами во сне, потом неожиданно крепко сжимает мой палец своим горячим, влажным кулачком. И мне кажется, что это не просто случайное движение, а её способ поддержать меня и сказать, что всё будет хорошо.

Сейчас мои чувства настолько обострены, что я готова верить даже в такие сказки. Лишь бы хватило сил выдержать всё, что обрушилось на меня в один день.

Постепенно ощущаю, как из моего тела уходит напряжение. Мышца за мышцей расслабляются, как будто кто-то медленно развязывает тугие узлы, которые стягивали меня в последние часы. Я не смогла даже толком поесть. Желудок стянуло нервным спазмом, и любая мысль о еде вызывала отвращение.

Но вот теперь я лежу, слушаю дыхание дочери и позволяю себе хоть немного отпустить ситуацию.

Проходит минут десять, я успокаиваюсь – и вот тогда меня накрывают слёзы. Не тихие, скупые капли, которые можно утереть краем рукава и сделать вид, что ничего не было, а настоящий потоп. Я плачу так, будто внутри прорвало дамбу. Шок выходит из меня слезами и всхлипами, которые я сдерживаю, боясь разбудить ребёнка.

Всего несколько часов назад я была любимой женой и матерью, и мы втроём – я, Артур и Белочка – были чем-то прочным и настоящим. Счастливой семьёй.

Контраст между прошлым и настоящим сводит меня с ума.

Контраст между правдой и бывшей иллюзией, которой я жила.

Теперь всё разрушено, не только будущее, но и прошлое. Оказалось, что на самом деле у меня вообще ничего не было. Ни семьи, ни любви. Ни того прочного фундамента, на котором я строила свою жизнь и в который свято верила. Всё оказалось иллюзией, красивой декорацией, которая рухнула в один миг, оставив меня среди обломков.

Как я могла не заметить? Как могла просмотреть предательство и равнодушие в человеке, которого считала самым близким, самым родным?

Артур казался идеальным. Может, именно это и должно было меня насторожить? Может, слишком идеальный муж — это гарантия беды?

Он всегда был внимательным, заботливым, улыбался, дарил мне подарки просто так. Никогда не задерживался после работы без объяснений. Его телефон лежал на виду, пароль я знала. Иногда использовала его, чтобы проверить прогноз погоды или что-то поискать в сети. И Артур не вырывал его из моих рук, не нервничал, а наоборот, будто подчёркивал, что ему нечего скрывать. Я приезжала к нему на работу, видела его в привычной среде, и никто вокруг не вызывал ни малейших подозрений. Домашний компьютер у нас один, общий. Его почта всегда открыта, доступная. Я могла бы загля-

нуть в неё в любой момент, но не делала этого, потому что доверяла.

Вот она, ошибка – доверие.

Наверное, просто я искала не там. Измены Артура нельзя было вычислить по чьим-то духам на рубашке или по сообщению, случайно оставшемуся в телефоне. Нет.

Всё было сложнее и проще одновременно.

Он развлекался в компании друзей и близких. Это норма, привычка.

Я снова и снова перебираю в памяти «симптомы», признаки измены, о которых когда-то читала в журналах или слышала от подруг. И не нахожу ничего. Абсолютно ничего подозрительного. Только пустоту, которая теперь кажется мне оглушающей.

Именно эта пустота пугает меня больше всего. Артур мастерски прятал от меня свою вторую жизнь, свои тайные увлечения и, очевидно, даже не считал это чем-то постыдным. А я... я верила его улыбкам, каждому «я люблю тебя», каждому нежному прикосновению.

Теперь эти воспоминания кажутся невыносимыми. Я вспоминаю, как мы вместе пили утренний кофе, как он накрывал меня пледом, когда я засыпала на диване. Всё это казалось таким настоящим, а теперь я вижу в этом только роль, спектакль, который он отыгрывал безупречно.

Самое обидное, что я до последнего считала себя счастливой. Шла по жизни с ощущением, что у меня есть то, о

чём мечтают миллионы женщин: любящий муж и крепкая семья. И только сейчас понимаю, что у меня ничего этого не было. Была я, его удобство, его «лучшая жена». И было его умение так искусно прятать ложь, что я и подумать не могла о предательстве.

И вот теперь я осталась среди руин, пытаюсь высмотреть среди них хотя бы каплю того, что было настоящим.

Он женился на мне ради пользы, а удовольствия получал на стороне.

Он не любил меня.

Научился уважать и ценить меня за пользу, которую я принесла его семье. Видеть во мне не любимую, не равную ему, а удобную спутницу жизни. Самую лучшую жену, правильную, примерную.

Елена примерная.

Елена удобная.

Елена наивная.

Стук в дверь, хотя и тихий, заставляет меня подпрыгнуть на постели.

Открываю дверь.

Щурясь от света в коридоре, смотрю на мужчину, который работает в охране отца.

– Ваш муж у ворот и требует допуска. Ни о чём не тревожьтесь, его не пустят. Похоже, он приехал один, но мы всё равно срочно вызвали ещё людей. Я останусь под вашей две-

рю на случай, если вам что-то понадобится.

Приехал Артур.

Надо же.

Испугался, любимый?

И как после такого заснуть?

Никак.

Муж осознал, что я не настолько слабая и одинокая, как ему казалось. Я смогла найти помощь, да и мои родители на моей стороне. А это большая опасность для Шагаевых, для них бизнес дороже жизни.

Так как заснуть всё равно не могу, включаю какой-то фильм на планшете и смотрю на экран невидящим взглядом до самого утра. Очень хочется спросить охрану, уехал ли Артур, угрожает ли, сидит ли в машине, но я сдерживаюсь. С утра поговорю с отцом, и мы вместе решим что делать.

Утро наступает с приходом папиного ассистента. Когда начались проблемы со здоровьем, отец решил часть недели работать дома, поэтому ассистент приходит к нему домой.

Следую за ним в папин кабинет.

Он уже безупречно одет и выбрит, как будто готовится встретить «любимого» зятя при полном параде.

– Дорогая, надеюсь, ты согласишься мне разговор с твоим мужем. Если вкратце, то Шагаевы потеряют всё, что им досталось в результате вашего с Артуром брака. Речь идёт не только о материальных благах, но и о связях. Я уже оставил десяток сообщений людям, которые особенно важны для Шагаевых. Скажем так: они внезапно станут несговорчивы-

ми. Разумеется, мне уже не изъять выгоду, которую Шагаевы получали на протяжении прошедших лет, однако и ты была счастлива до недавнего времени. Так что всё честно.

– Папа, но ведь и ты тоже пострадаешь финансово. Это была взаимовыгодная сделка.

Папа морщится и смотрит на меня, как на маленькую дуручку.

– Деньги интересуют меня меньше всего. Всех денег не заработаешь, да и я считаю мсть Шагаевым хорошим вкладом средств.

– Спасибо, папа. Только ты не волнуйся, ладно?

Папа смотрит на меня высокомерным, недовольным взглядом.

– Ты волнуешься перед тем, как убить комара? Нет? Вот и я – нет.

– Это хорошее сравнение. Спасибо, папа.

– Пока что не за что. Мы встретимся с Артуром в беседке около въезда на территорию. Как только я вернусь, сразу расскажу тебе, что к чему.

– М-м-м... нет. Я хочу пойти с тобой. Не-не-не... не смотри на меня так и уж точно не говори мне, что это мужской разговор. У меня аллергия на такие фразы. Мы с тобой сядем в беседке и слушаем, что Артур хочет сказать.

Папа долго и пристально смотрит на меня, потом вздыхает.

– Я правильно понимаю, что переубеждать тебя бессмыс-

ленно?

– Совершенно бессмысленно. – Киваю.

Я хочу увидеть Артура.

Да, признаюсь, я скучаю по мужу. В свете недавних событий это – шокирующее заявление, однако наш разрыв ещё слишком свеж, и моё сердце не успело полностью переключиться с любви на ненависть, с обожания на презрение. Так что да, я по нему скучаю.

Однако увидаться хочу не из-за этого. Мне нужно... нет, необходимо услышать, что он скажет и как он это скажет. Я до сих пор в шоке от циничного незнакомца, который предстал передо мной в доме его родителей, и я хочу увидеть, каким он будет теперь.

Отец нажимает кнопку коммуникатора, и в кабинет заходит его ассистент.

– Дочь поедет со мной к воротам. Пусть там всё приготовят для встречи.

У отца огромная территория, в основном, ради безопасности, но также потому, что они с мамой очень любят природу, однако загород выбираются редко. А так создали себе оазис посреди города – и счастливы.

Я бы дошла до ворот без проблем, но папе будет трудно-вато, поэтому мы едем на машине. Занимаем место в бесе-дке и ждём.

Через несколько минут приводят Артура.

При виде меня он ускоряет шаг, почти бежит. Его глаза

горят, лицо покраснелось. Он до сих пор в той же одежде, в которой был на празднике, только теперь она выглядит помятой.

– Лена, ты едешь со мной. Сейчас же! – говорит вместо «здравствуйте».

Отец подаёт сигнал охране, чтобы они не уходили и неотрывно следили за Артуром. Перед тем как пустить к нам, его обыскали, но он крупный и сильный мужчина, и если внезапно решит меня забрать, нам с папой с ним не справиться.

Я молчу.

Рядом откашливается папа.

– Здравствуй... зять! Хотя мне тут сказали, что ты скоро будешь бывшим. Кто бы знал, что это случится так скоро... – В папином голосе ирония, однако она не весёлая, а, скорее, убийственная.

Артур бросает на него колющий взгляд, но не отвечает. Обращается только ко мне.

– Белла спит? Пойдём, я привёз с собой автокресло для машины, так что можем сразу уехать. Белла может спать в дороге.

Артур выглядит... обычным. Домашним, родным. Ни капли жесткой снисходительности и презрения. Передо мной любимый, усталый муж.

Папа смотрит на меня. Ждёт разрешения выставить Артура ультиматум, после которого эта встреча закончится.

Решаю подать голос первой.

– Скоро с тобой свяжется мой адвокат насчёт развода. Не игнорируй её. Я бы хотела всё оформить в ближайшее время.

Артур взрывается. Без предупреждения и настолько внезапно, что охрана еле успевает его схватить. Он бьётся в их руках и кричит.

– Нет! Никакого развода! Никогда! Ты моя жена и навсегда ею останешься. Ты слышала меня? Слышала?!

– Нет! Никакого развода! Никогда! Ты моя жена и навсегда ею останешься. Ты слышала меня? Слышала?!

Артур кричит так бешено и отчаянно, что хрипнет. Он трясётся от гнева, это заметно даже на расстоянии. Бьётся в руках охраны, пытаюсь вырваться и подбежать ко мне.

Его голос словно рвётся из груди, оставляя за собой кровоподтёки.

Это не просто гнев, это... что-то серьёзней. Глубокие, дикие, почти первобытные боль и ярость. Его глаза горят, и в них отражается только одно – я. Он кричит, что ни за что не отпустит меня, что мы единое целое, и это навсегда.

Те же слова, что мы говорили при венчании, только криком. Прощальным.

Мне безумно больно от его предательства, от того, что я узнала, но... смотреть на него в таком состоянии почти невыносимо. Как будто его душа разрывается на части, и каждая из них тянется ко мне.

Я вижу, как напряжены его мышцы, как пальцы тщетно хватаются за воздух.

Артур готов порвать всё и всех, кто стоит между нами.

Кажется, он борется не только с охраной, а с самой реальностью, с обстоятельствами, которые пытаются отнять то, что он считает своим по праву. Навсегда.

Моё предательское сердце сжимается от беспомощности. Больно видеть мужа в такой агонии. Больно видеть, как человек, который может быть таким жестким и сильным, вдруг становится почти уязвимым, как ребёнок.

Я не могу отвести от него взгляд. Каждое его слово, каждый крик ранит меня так же сильно, как его самого.

Сейчас я понимаю женщин, которые возвращаются к неверным мужьям после того, как те приходят за ними и отчаянно просят вернуться.

Обуревающие меня эмоции настолько сильные, что на моих глазах слёзы.

Несмотря на боль, несмотря на предательство, я вижу сейчас, что Артур – часть меня так же, как и я – часть его. Это очевидная правда, несмотря ни на что. Мы срослись в браке, стали единым целым.

Даже если начало нашего брака было неправильным и бесчувственным с его стороны, даже если он меня предал и не раз, сейчас ему тяжело. По-настоящему.

Это странно, и страшно, и болезненно. Даже к полезным, выгодным жёнам привыкают и потом страдают при их потере.

И, тем не менее, так и должно быть. Артур это заслужил. Пройдёт время, и он найдёт себе другую выгодную наследницу. В этот раз безропотную и покорную.

– Если ты будешь плакать, я отправлю тебя домой, – тихо говорит отец, прикрывая рот ладонью на случай, если Артур

сможет прочитать его слова по губам.

– Я не плачу. Мне в глаза попал... тополиный пух.

– На нашей территории нет тополей.

– Значит, пух занесло от соседей.

– У нас нет соседей.

– Где-то наверняка есть.

– Десять километров отсюда.

– Вот оттуда и принесло тополиный пух – и прямо мне в глаз, представляешь?

– Я рад, что ты успокоилась. Ну так как, могу я приступить к расчленению твоего несравненного отбившегося от рук супруга, или ты передумала?

– Я не передумую.

Со временем сердце заживёт, я в этом уверена. Любовь не исчезнет, однако я любила несуществующего мужчину, поэтому научусь справляться с чувствами.

Если простить предательство, то ты фактически приглашаешь его в свою жизнь. Оно будет случаться снова и снова.

Рецидивы лжи станут возникать всё чаще и чаще, от них не избавишься.

Такая жизнь не для меня.

Отец откашливается, привлекая внимание Артура.

Тот всё ещё в руках охраны, однако затихает, осознав, что мы с папой разговариваем и не слушаем его.

– Сейчас, Шагаев, я скажу тебе, что будет происходить дальше, – говорит папа вроде как мягким, спокойным голосом, но уж я-то знаю, какая власть за ним таится. Те, кто недооценивают это, в дальнейшем сильно жалеют о своей ошибке.

Похоже, Артур, как раз из таких недалёких людей.

– А давайте лучше я скажу, потому что всё равно всё будет по-моему, – непререкаемым тоном парирует он. – Произойдёт следующее: я заберу свою жену и дочь отсюда и отвезу их домой, где им и место. А уж потом буду обсуждать наши проблемы с моей женой. Наедине.

Отец поворачивается и смотрит на меня. В его глазах шаловливый блеск. Опять же, я знаю, что это значит: теперь, после этих наглых слов, наказание Артура будет в два раза более тяжким.

– Проблема в том, Шагаев, что Лена не хочет ехать с тобой в то место, которое ты так оптимистично называешь «её домом». Бывший дом – это да. Будущий – м-м-м... очень в этом сомневаюсь.

Отец играет с Артуром, как кот с мышью.

Однако Артура эта роль не устраивает. Кто бы удивился.

– Я не собираюсь разговаривать с женой здесь!

Я планировала молчать, но после этих слов не выдерживаю.

– Ты обсуждал наш брак и свои похождения при всех гостях, а сейчас вдруг застеснялся?

Мстительная часть меня бушует, прыскает ядом, но при этом мне дико больно.

Я выходила замуж по любви.

Я до сих пор люблю Артура.

Как долго ещё буду мучиться? Сколько веков?

– А тебе и не надо тратить время на разговоры, Артур. Ты занятой человек, а теперь и подавно. Надо следить за всеми вашими семейным бизнесами, мало ли что может случиться, – флегматично говорит отец, хотя на самом деле он коварен, как кобра.

– Вы мне угрожаете? – Артур изгибает бровь.

– Даю отцовский совет.

– Тогда и я дам вам совет, *отец*. Хорошенько следите за своим заводом в нашей области, мало ли что может случиться.

Отец вскидывает брови в наигранном удивлении, потом переводит взгляд на меня.

– Завод?! У меня в их области есть какой-то завод?!

– Машиностроительный, – подсказываю, хотя, понимает-

ся, отец прекрасно об этом знает. Это его способ показать Артуру, что мы неуязвимы, и что даже потеря целого завода – меньше капли в море его ресурсов.

– Ах, вот это досадно. Я думал, что давно избавился от машиностроительных заводов, – сетует отец, цокая языком.

Прекрасно играет, а, главное, наслаждается этим. И хотя он не хотел брать меня с собой, теперь рад, что у его артистичного выступления есть свидетельница.

Его игра имеет очевидный эффект. Артур буквально вскипает от гнева, что неудивительно. Нрав у него о-го-го, температура кипения ниже среднего, а отец открыто над ним надсмехается, причём в моём присутствии.

– Елена! – рокошет муж. – Ты сбежала от меня с другим мужчиной. Опозорила и себя, и меня. Я не собираюсь обсуждать это в присутствии посторонних.

– Во-первых, я не посторонний, – вклинивается в наш разговор отец, – а во-вторых, если что, я тоже не фанат Вика. Он с юности за Леной ухлёстывал, но я этого не одобрял. В том, что он влюблён в мою дочь, сомнений нет, но он якшается с такими людьми, которых даже я сторонюсь. К счастью, Лена и сама это понимает, но в этот раз Вик повёл себя как настоящий мужчина...

Разговор становится почти сюрреалистичным, и Артур не выдерживает.

Он словно взрывается изнутри, его корёжит от гнева. Плечи напряжены, мышцы дрожат, взгляд обжигает, будто пла-

мя прорывается наружу. Он дышит тяжело, урывками, как зверь, загнанный в угол, но готовый броситься в бой. Голос хрипнет от крика, слова звучат резко, отрывисто, как удары.

Он делает шаг вперёд, и кажется, ещё миг – и всё вокруг рухнет под натиском его эмоций.

Он не контролирует себя, не слышит никого.

Это не просто гнев, а буря, разрушающая всё на своём пути.

– Скажи мне, чего ты хочешь, Елена! Ты спряталась у отца, отказываешься со мной говорить, и что теперь?

– Развод, – отвечаю тихо, однако кажется, что это слово громом разносится над нашими головами.

Артур замолкает.

Ещё мгновение назад воздух дрожал от его крика, от его необузданной, горячей ярости, и, казалось, ничто и никто не сможет её потушить. А теперь – тишина. Резкая, звенящая, почти нереальная.

Артур стоит, тяжело дыша, и я вижу, как огонь в его глазах гаснет. Плечи, только что дрожавшие от напряжения, опускаются. Кулаки разжимаются, руки опускаются. Весь Артур словно каменеет.

Это даже страшнее, чем его гнев. Когда он кричал, бил словами, вырывался из рук охраны, в нём ощущалась жизнь, боль, ярость, направленная на нас, на меня. А теперь – пустота. Он будто выключился изнутри. Разорвал нашу связь. Стоит и смотрит в никуда, мимо меня, сквозь меня.

Я вижу, как в его взгляде что-то ломается. В нём больше нет жара, нет боли – только холод.

Я знаю, что это значит.

Артур принял решение. Он поставил точку.

Мне хочется сказать что-то, хоть слово, чтобы вернуть его, но губы не слушаются. Я нарочно вызвала в нём эту реакцию, а теперь... сожалею?

Он делает шаг назад. Его лицо становится чужим – замкнутым, равнодушным.

И это больнее, чем слышать его отчаянный крик. Страшнее, чем ощущать на себе его ярость.

Между нами раскрывается пропасть, и я понимаю: это конец. Я сказала слово “развод”, и Артур принял его.

– Когда я женился на тебе, я обещал, что ты всегда получишь то, о чём попросишь. Всегда. И в этом случае тоже. – Артур переводит взгляд на моего отца, в его глазах холодная насмешка. – Забавно будет узнать, так же ли вы изобретательны в мести, как в бизнесе. Я уверен, что вскоре вы это продемонстрируете. На этом я откланяюсь. – Не обращая внимания на охрану, Артур направляется к воротам. – Увидимся в суде, дорогая! – бросает мне через плечо.

Он выглядит победителем проигранного сражения. Невозможное сочетание слов, но это именно так.

– Слюни подотри, – усмехается отец, толкая меня в бок.

– А ты убери клыки, – отвечаю тем же. – Артур всё ещё мой лю... муж, и я не могу так сразу выключить чувства. Потребуется время, но я обязательно справлюсь.

– Ты рассуждаешь разумно, моя дорогая, я очень тобой горжусь. Только будь добра, отпусти мою руку. Ты сжимаешь её с такой силой, что вот-вот сломаешь кости.

– О, извини, я не знала, что это твоя рука. Думала, это шея Артура.

– Тогда это простительно. Ты готова ехать домой? Хотя знаешь что? Давай немного пройдемся, мне это будет полезно, да и ты развеешься.

На всякий случай мы идём к дому по дороге, а не через парк, чтобы водитель отца ехал за нами. Всё расстояние папе не одолеть, но даже маленькая прогулка пойдёт ему на пользу.

Я держу его под руку, а он мечтательно смотрит вдаль.

– Любуешься своими владениями?

– Нет. Я мечтаю, как сотру Шагаевых в порошок. Как ты думаешь, тюрьма собьёт спесь с твоего мужа?

– Я уверена, что нет. Его спесь несбиваемого качества, высшей категории. Давай попытаемся обойтись без тюрьмы. У нас с ним дочь, помнишь? Малышке нужен папочка с чистой репутацией.

– А если её папочка будет просить милостыни в метро?

– Это без проблем.

Мы с папой всегда так играли, это наша фишка. Иногда он приходил домой после работы и говорил мне: «У меня сегодня был фиговый день, давай поиграем в хорошее настроение». И мы играли. С улыбкой смотрели на любые события. Иронией и сарказмом растворяли негатив. Мама серьёзный человек, ей эти игры были непонятны, иногда она даже ужасалась нашим шуткам.

Наверное, многие бы нас не поняли.

Однако подтверждаю: игра в хорошее настроение работает безотказно. Даже сейчас я дышу спокойнее, двигаюсь расслабленно, спокойно и уверенно ощущаю почву под ногами.

– Думаю, мне пора искать работу. Это меня отвлечёт. Сни-

му квартиру, слезу с твоей шеи... хотя на ней так удобно, что я буду скучать.

– Нет уж, Елена Прекрасная, никуда не уезжай, пока не доведём развод до конца и пока твой Ромео не успокоится. А то мало ли что от него можно ждать. А работа – это хорошее дело. Мозги ты унаследовала у меня, поэтому устроишься ты быстро...

– Надеюсь, ты понимаешь, что я расскажу о твоих словах маме? – тычу его локтем в бок.

– Обязательно расскажи, а то мы давно с ней не ругались. Ссоры добавляют искры в ваши отношения. Не такие ссоры, как у вас с Артуром, конечно.

– Да, не такие. – Вздыхаю.

Папа останавливается, даёт знак шофёру.

– Увидимся дома, – говорит он, садясь в машину.

А я продолжаю идти. И думать. О том, как мне страшно и одиноко. О том, что меня ждёт дальше. О том, как трудно переключиться и планировать одинокую жизнь, если раньше мечтала только о семье.

Я настолько погружаюсь в мысли, что не замечаю подъехавшую сзади машину, пока не раздаётся гудок.

Испуганно отбегаю в сторону, оборачиваюсь и встречаюсь с улыбающимся взглядом Вика.

Он на спортивной машине, конечно. Уверена, что у него их несколько.

Выпрыгивает наружу, обходит машину и останавливается

прямо передо мной.

– Ну как, развелась с медведем?

– Если ты имеешь в виду Артура, то нет, ещё не развелась. Такие вещи быстро не делаются. А что? Почему ты спрашиваешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.